

Т. Г. СМЕРНОВА

П. П. ЛИХАЧЕВ И АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

(к биографии ученого)

В последнее десятилетие в отечественной историографии все более интенсивно изучается широкое наследие и научная биография П. П. Лихачева. В этих работах отмечена необыкновенная широта научного дарования П. П. Лихачева, неординарность проблематики исследований, глубокий интерес как к русской, так и к зарубежной истории со стремлением к исчерпывающей полноте исследованных источников.¹

Видимо, наступило время осветить и вклад этого выдающегося ученого в работу Археографической комиссии. Избрание в члены Петербургской Археографической комиссии, состоявшееся 10 мая 1894 г., связывало П. П. Лихачева с этим учреждением на протяжении 35 лет, до 1930 г., когда произошли трагические перемены в судьбе Археографической комиссии и самого ученого. К моменту избрания в Комиссию П. П. Лихачев был уже сложившимся ученым — доктором русской истории, специалистом в исследовании истории документа, исследователем в области генеалогии, нумизматики, филологии и коллекционером с вполне оформившимися интересами. Примечательно, что именно в среде петербургских историков и филологов получила признание докторская работа П. П. Лихачева по филологии. Защита диссертации в Казанском университете в 1892 г. вызвала не только споры, но и определенное противодействие казанской профессуры. Исследования П. П. Лихачева сравнивались с библиотечным

¹ Библиография работ о П. П. Лихачеве, его деятельности и коллекциях см.: *Пространство* Л. И. П. Лихачев: судьба и книги. СПб., 2002. С. 52–55 (в приложении 2-е, дополненное). Особое значение имеют работы Л. Г. Климанова: 1) П. П. Лихачев о венгерской сфрагистике и дипломатике // ВИД. Л., 1991. Т. XXIII. С. 280–294; 2) Ученый и коллекционер, известный всей России, еще более Европе // Репрестранная наука. Л., 1991. С. 424–453; 3) *Лихачев П. П.* О подделке итальянских автографов / Пер. с фр., примеч. и послесл. Л. Г. Климанова // ВИД. Л., 1990. Т. XXI. С. 289–297; 4) *Лихачев П. П.* Воспоминания библиофила и собирателя документов и автографов / Публ., предисл. и примеч. Л. Г. Климанова // Книга: Исследования и материалы. М., 1991. Сб. 62. С. 192–211; 5) Николай Петрович Лихачев — коллекционер «важнотного размаха» // Из коллекции академика П. П. Лихачева. Каталог выставки. СПб., 1993. С. 7–28 и др.

каталогом, его обвиняли в узости темы, увеличении фактическим материалом, отвергалась источниковедческая направленность работы.² Иную точку зрения высказал в 1891 г. С. Ф. Платонов. По его мнению, работа Н. П. Лихачева, «без сомнения, ценный вклад в нашу литературу, необходимую по данному предмету».³ Позднее А. А. Шахматов в рецензии уже на трехтомное исследование Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (1899 г.), основное положение которого составила докторская диссертация 1891 г., оценивал работу как «взвешивание новой эпохи в русской исторической науке; вооруженная такими подготовительными работами, как труд Н. П. Лихачева, она может смело рассчитывать на блестящее и многостороннее развитие».⁴ Призыванием научных кругов Н. П. Лихачева, в том числе и работы по филологии, было и избрание ученого в члены Петербургской Археологической комиссии. Представив Н. П. Лихачева в члены Комиссии, А. Ф. Бизюков, А. А. Кушк, Л. П. Майков, А. П. Барсуков отметили, как заслуживающие особого внимания, два научных труда по русской истории Н. П. Лихачева: «Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования», явившегося магистерской диссертацией, и «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археологический очерк», ставшего докторской работой ученого, и подчеркивали, что эти труды «достаточно свидетельствуют о том, что г. Лихачев может быть полезен в деле издания памятников русской истории, издаваемых Комиссией».⁵ Следует отметить, что и деятельность Археологической комиссии, ставшей своей целью собирание, описание и публикацию исторических источников, была не только созвучна научным интересам Н. П. Лихачева, но и являлась научным credo ученого. Своим призванием — «изучение истории» — Н. П. Лихачев определил в гимназические годы, а вскоре сформировалась и конкретная научная задача — «критика источников и собирание для этого материалов». «С первого курса историко-филологического факультета внимание, — писал он о себе в 1921 г., — начало сосредоточиваться на документах⁶ как на историческом источнике и быстро перенеслось к вопросу о подлинниках и копиях, а затем и к критике текста...».⁷

Позднее избрания в Археологическую комиссию, в том же, 1894 г., только несколькими месяцами ранее, 19 февраля, Н. П. Лихачев начал читать курс лекций по дипломатике в Петербургском Археологическом институте. Здесь ему представилась возможность открыть при содействии А. И. Соболевского первую в России кафедру дипломати-

² Протокол заседания А. И. Н. П. Лихачев: судьба и книги. С. 7.

³ РГБ. Ф. 585. Ед. кр. 1469. Л. 4.

⁴ Шахматов А. А. Критический отзыв о книге Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» // ИОРЯС. СПб., 1898. Т. 4. Кн. 4. С. 1484.

⁵ Леонарьевский Археологической комиссии (далее: ЛЗАК) за 1888—1894 гг. СПб., 1903. Вып. II. С. 176—177.

⁶ Под понятием «документы» Н. П. Лихачев имел в виду любой вид письменного источника (см.: Киприанов С. М. Очерки русской дипломатии. М., 1970. С. 6).

⁷ Записка Н. П. Лихачева о составе его архива // ЛЗАК за 1919—1922 гг. Пг., 1923. Вып. 32. С. 64 (Протокол заседания Археологической комиссии 27 декабря 1921 г.).

ки. Примечателен и тот факт, что с избранием в Археографическую комиссию Н. П. Лихачев приобрел статус государственного служащего. До этого он не имел даже первого чина по Табели о рангах. Дело в том, что оставление на кафедре при университете для подготовки к профессорскому званию не причислялось к службе, поскольку в эти годы Н. П. Лихачев не присутствовал в Казанском университете к преподавательской работе. Не давало права на службу и преподавание в Археологическом институте. 7 февраля 1895 г. Н. П. Лихачев был утвержден в чине коллежского асессора (со старшинством с 10 мая 1894 г.), а следовательно, получил право на пенсию.⁵ Таким образом, 1894 год явился важной датой в жизни Н. П. Лихачева — начало работы в Археографической комиссии, преподавательская деятельность в интересовавшей его области источниковедческой науки. И эти обстоятельства, в свою очередь, позволили Н. П. Лихачеву покинуть Казань и продолжить научную деятельность в Петербурге.

В 1901 г. Н. П. Лихачев был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а в 1902 г. назначен помощником директора Государственной Публичной библиотеки. В петербургские, дореволюционные годы ученый написал и опубликовал около 100 научных работ. Именно в этот период предметом коллекционерской и исследовательской деятельности Н. П. Лихачева стали памятники не только русской, но и мировой письменности, а также памятники сфрагистики и древнерусской живописи. В рамках курса дипломатики Н. П. Лихачев читает курс лекций по сфрагистике. Выходят в свет его исследования в области византийской и древнерусской сфрагистики: «Из лекций по сфрагистике» (1899 г.), «Древняя сфрагистика» (1906 г.), «Некоторые старейшие типы печатей византийских императоров» (1911 г.), он начинает подготовку главного своего труда в этой области — «Сфрагистического альбома». Значительным вкладом в изучение древнерусской живописи стали работы Н. П. Лихачева по истории русского иконописания: «Материалы для истории русского иконописания» (т. 1—2, 1906 г.), «Манера письма Андрея Рублева» (1907 г.), «Историческое значение итало-греческой иконописи» (1911 г.). Работа Н. П. Лихачева в области истории иконописания и исследования по лекции по истории дипломатики и сфрагистики строились в основном на изучении образцов его коллекций. Особое значение в создании Н. П. Лихачевым коллекций имели поездки ученого в Европу, которые с 1892 по 1914 г. он совершал ежегодно. В этих поездках были собраны богатейшие коллекции печатей и документальных памятников, прошедших из Египта, Месопотамии, Византии, из европейских государств (Франции, Италии, Германии). Причем, как писал Н. П. Лихачев в 1918 г., его собирательская деятельность была подчинена «дерзкой мысли создать русскую „дипломатику“ (добавим — и сфрагистику. —

⁵ В 1912 г. Н. П. Лихачев получил чин действительного статского советника, а закончил службу тайным советником, будучи произведен в этот чин в 1916 г. за отличие в связи с 30-летием Русского исторического общества. См.: *Кляшторный И. Г.* Н. П. Лихачев: «Быть, чем только могу, полезным „дерзкому и дерзкому“» // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 91—107.

Т. С.), осветив ее в связи с западноевропейской, по возможности неизданными образцами моего собрания, а не снимками с многочисленных атласов Западной Европы. Мне хотелось осветить сферы взаимных влияний Востока и Запада. В моих картонах и ящичках, действительно, история документальной письменности, исключительного богатства и содержания».⁹ В Европе, а именно в Италии, получило продолжение собрание и изучение Н. П. Лихачевым и иконописных памятников. Состав коллекции древнерусских икон пополнился образцами гречко-византийской и итальянской живописи, изучил Н. П. Лихачев также иконописные работы в музеях и церквях Италии. Собираемые и изучение икон не только русского происхождения позволило ученому предпринять изучение древнерусских икон как памятников древнерусского искусства, проследить теснейшую связь древнерусского искусства с византийским, далее — с италио-греческим и итальянским.¹⁰

Дореволюционные годы явились и временем наиболее плодотворной работы ученого в Археологической комиссии. Эти годы совпали с периодом расцвета деятельности Комиссии, что было связано, прежде всего, с избранием в ее члены в конце 90-х годов XIX — начале XX в., кроме Н. П. Лихачева, таких ученых, как С. Ф. Платонов, А. С. Лавно-Данилевский, В. Г. Дружинин, А. А. Шахматов, Б. А. Тураев, А. Е. Пресняков. Благоприятно складывалось и финансовое положение Археологической комиссии. В 1904 г., по новому «Положению», ассигнования на ее деятельность были увеличены более чем в два раза, что позволило Комиссии увеличить объем изданий за 1904—1917 гг., в сравнении с предшествующим периодом 1880—1903 гг., с 34 до 70 томов. В целях более результативной деятельности Комиссии в 1904 г. были созданы редакционные комиссии. Они были предвзяты как для предварительного обсуждения предлагаемых изданий, так и для постоянного наблюдения за их осуществлением. А. А. Шахматов возглавлял комиссию по изданию летописей и памятников литературы, С. Ф. Платонов — приказных книг и столбцов, Б. А. Тураев — по изданию Четьех-мишей митрополита Макария, А. С. Лавно-Данилевский — комиссию по изданию материалов по истории частного хозяйства, монастырских сборников актов и писцовых книг, В. Г. Дружинин — памятников законодательства, Н. П. Лихачев — родословцев и разрядных книг.¹¹ Несмотря на то что практическое воплощение нашли только редакционные совещания по изданию летописей под руководством А. А. Шахматова, создание этих комиссий четко определило круг публикуемых источников.

В опубликованных Археологической комиссией за этот период исследованиях Н. П. Лихачев продолжил изучение истории админист-

⁹ Цит. по: *Кисинья Л. Г.* Ученый и коллекционер, известный асеп России... С. 425.

¹⁰ Подробно о научной и собирательской деятельности Н. П. Лихачева в Европе: *Климаков Л. Г.* Николай Петрович Лихачев — коллекционер всемирного размаха. С. 18—22.

¹¹ ЛЗКАК за 1904 г. СПб., 1907. Вып. 17. С. 15.

рации и служилого класса Московского государства и дипломатических отношений с иностранными государствами Московской Руси. Так, в 1903 г. было опубликовано монографическое исследование Н. П. Лихачева «Государев родословец и род Адашевых».¹² Состав и время составления Государева родословца ученый выяснил в монографии «Разрядные дьяки XVI в.», а также выделил и датировал самостоятельную его редакцию — Государев родословец 1555 г. В работе «Государев родословец и род Адашевых» Н. П. Лихачев сделал ряд интересных выводов о редакции, предшествовавшей Государеву родословцу 1555 г. Исследуя рукопись из собрания И. Д. Беляева, он на основе помещенной в ней росписи Сорокоумовых убедительно доказал, что эта семейная роспись легла в основу соответствующей главы Государева родословца 1555 г. По составу записанных лиц Н. П. Лихачев отнес эту редакцию к концу 40-х годов. Так ученым было положено начало исследованию редакции, вошедшей в науку как Летописная редакция. В этой же работе он опубликовал отрывки из указов, связанные с созданием Бархатной книги, которые дополнил сведения, приведенные в предисловии к Бархатной книге.¹³ Источниковедческое исследование Государева родословца 1555 г. в Бархатной редакции XVII в. ученый выполнил в работе «Государев родословец и Бархатная книга», изданной в «Известиях Русского генеалогического общества» в 1900 г.¹⁴

В отечественной историографии отмечено беспрецедентное значение этих работ Н. П. Лихачева. Они явились первыми исследованиями, которые были посвящены специально источниковедческому изучению родословных книг. Ученый не только исследовал в этих работах историю создания Государева родословца, определил и изучил самостоятельную редакцию XVI в., но в большом источниковедческом достижении явился разработанный Н. П. Лихачевым впервые метод сравнительного изучения списков родословных книг.¹⁵

Изучение Государева родословца Н. П. Лихачев продолжал, но его собственным словам, с некоторыми перерывами вплоть до Октябрьского переворота 1917 г.¹⁶ Итоги ученый подвел в докладе «О думном дворянстве» на заседании Русского генеалогического общества 17 ноября 1916 г. Доклад остался неопубликованным, но в 1934 г. Н. П. Лихачев на страницах «Исторического сборника» раскрыл содержание этого доклада и проделанную ученым работу в этом направлении. Н. П. Лихачев отметил, что после публикации «Разрядных дьяков XVI в.» он в конце 80-х — начале 90-х годов провел большую работу по

¹² Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых // ЛЗЛК за 1888—1894 гг. СПб., 1903. Вып. 11. С. 44—135. Работа была написана Н. П. Лихачевым в 1896 г., в 1897 г. вышла отдельным изданием.

¹³ Там же С. 49—53.

¹⁴ Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 49—61 (отд. 1).

¹⁵ Подробнее см.: Бяжкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 5—14.

¹⁶ Лихачев Н. П. По поводу статьи о фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. // Исторический сборник. Л., 1934. Т. 2. С. 297.

сбору архивных материалов, намереваясь посвятить свою докторскую диссертацию генеалогическим изысканиям по истории служилого класса в Московском государстве.¹⁷ Особое внимание он уделил изучению родословных росписей XVII в., выяснению их достоверности, причем сделал акцент на том, что исследования проводились на основе анализа росписей и документов, представленных вместе с ряснейши в Разрядный приказ. Это позволило ему выявить ряд фальсифицированных и поддельных грамот, а также предпринять попытку выяснения причин создания таких документов.¹⁸

Представляется важным отметить, что проблеме определения подлинности Н. П. Лихачев придавал особое значение в изучении не только памятников письменности, но и сфрагистики и нумизматики. В статье «Византийские экзаты» Н. П. Лихачев отмечает: «При исследовании весовых памятников особенно ярко встает вопрос о возможных фальсификациях, могущих предоставить ложные данные, обращает внимание искусство отливания монидоноулов и формы — сленки с подлинников. Вместо будд-печатей таким образом создаются тессеры и не только свинцовые, но и из бронзы».¹⁹ Вставала эта проблема перед Н. П. Лихачевым и в связи с коллекционированием. Известно, что он считал нужным собирать и собирал поддельные автографы и другие документы.²⁰

Возвращаясь к работе Н. П. Лихачева по истории служилого класса, отметим, что она осталась незавершенной, но в петербургские годы он опубликовал исследования, основанные на собранном им материале, а также часть архивных источников. В 1895 г. вышло 2 выпуска «Сборника актов», в которых ученый издал грамоты духовные и правые, относящиеся к княжеским и дворянским родам из собрания Грамот коллегии экономии. Группы статей, посвященных генеалогии отдельных дворянских родов, были введены на страницах «Известий Русского генеалогического общества». Все статьи не только были основаниями для изучения разрядных и родословных книг и других источников, но в отдельных случаях содержали и публикации документов.²¹ Исследования и ряд отдельных документов были опубликованы в VI томе «Сборника Археологического института» в 1898 г. Среди них редкий документ — «Боярский список 1611 г.». В том же томе опубликовано исследование Н. П. Лихачева, посвященное истории Боярской думы — «Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия».

Основу всех работ Н. П. Лихачева, посвященных изучению дипломатических отношений Московского государства с иностранными государствами, также определили уникальные архивные документы, ра-

¹⁷ Там же. С. 296.

¹⁸ Там же. С. 297—298.

¹⁹ Лихачев Н. П. Византийские экзаты // ИРАН. Сер. 6. Л., 1925. № 16—17. С. 526.

²⁰ Кизилов Л. Г. И. П. Лихачев и подделки (послесловие). См. выше, прим. 1, п. 3.

²¹ См., например Лихачев Н. П. Вклады в честь выдающегося генеалогического интереса // ИРГО. СПб., 1903. Вып. 2. С. 152—161. Здесь опубликованы росписи Лихачевых и документы из Дела о гербах; Лихачев Н. П. Родовитосхождение дворян Головкиных // Там же. С. 99—126. В этой работе опубликованы росписи Головкиных конца XVII в. и некоторые грамоты.

зысканные ученым. Так, в частности, в 1894 г. он обнаружил в Московском архиве иностранных дел столбец, содержащий документы, относящиеся к приезду польского посла Антония Поссевино в Москву в 1581 г. и заключению мира с Польшей в январе 1582 г. На заседании Археографической комиссии 29 января 1896 г. Н. П. Лихачев подробно изложил состав содержащихся в сборнике документов и получил одобрение на его издание.²² Работа Н. П. Лихачева была опубликована в 1903 г.²³ Этот труд ценен прежде всего публикацией целого ряда не введенных к этому времени в научный оборот документов относительно приезда в Москву Антония Поссевино. Среди них — подлинные документы, составляющие часть черенки Ивана Грозного с боярами в отношении приема Антония Поссевино, подлинная отписка Истомы Швергина Ивану Грозному из Венеции, подлинное письмо и грамота Антония Поссевино. Содержащиеся в столбце документы не представляли целостного комплекса, а, как отмечал Н. П. Лихачев, столбец состоит «из случайной смеси некоторой части тех подлинных документов и списков, по которым составлены были „книги“ посольских отношений». Кроме того, документы перепутаны и в хронологическом отношении. Перед Н. П. Лихачевым вставал вопрос — печатать документы, как они сохранились в деле, или разобрать столбец и опубликовать документы в хронологическом порядке. «Внимательное изучение столбца, — писал Н. П. Лихачев, — привело к выводу, что необходимо издавать документы в том виде, как они сохранились в деле». Аргументируя свое решение, Н. П. Лихачев высказал важный методико-ведческий принцип, заключающийся в том, что тот или иной документ необходимо изучать не изолированно, а в «контексте» содержащихся в сборнике других документов. Отметив, что часть документов, содержащихся в столбце, датирована, как это и принято было в Московской Руси, только на основании даты их получения, а также что в составе столбца имеется большое число недатированных документов, Н. П. Лихачев подчеркивал, «...как было бы неосторожно выделять недатированные документы из среды их окружающей».

Кроме собственно публикации архивного дела, Н. П. Лихачев составил «Хронологическое обозрение документов, касающихся приезда Антония Поссевино». В «Обзрении» каждый документ получил дипломатическое определение, датирован, изложено обоснование датировки документов. В состав «Обзрения» вошли также документы из других источников, которые Н. П. Лихачев использовал в связи с установлением даты того или иного документа. Поскольку эти документы также непосредственно связаны с миссией Антония Поссевино, то они выполнили и другую функцию — восполнили в определенной мере пробелы публикуемого «Дела о приезде Антония Поссевино».

В этой работе содержатся также специальные статьи, посвященные истории дипломатических отношений Московского государства с Ватиканом в конце Ливонской войны и дипломатическому изучению

²² ЛЗАК за 1895—1899 гг. СПб., 1901. Вып. 12. С. 54—55.

²³ Лихачев Н. П. Дело о приезде Антония Поссевино // ЛЗАК за 1888—1894 гг. СПб., 1903. Вып. 11. С. 136—280; С. 1—СIX (отл. I); С. 3—23 (отл. III).

опубликованных документов. Причем последнее исследование ученый выполнил, как он сам отметил, с целью «...воочию показать, какой драгоценный материал для русской дипломатики таится в столбцах Драгоцкого приказа». Это исследование является комплексным анализом опубликованных документов — палеографическим, дипломатическим и сфрагистическим, проведенным в контексте изучения истории русской и западноевропейской дипломатики.

С Археологической комиссией связан еще один капитальный труд Н. П. Лихачева — «Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному...».²⁴ Этот документ был найден Н. П. Лихачевым по печатному каталогу и приобретен у неполоитанского антиквара в одной из его поездок в Италию. На заседании Комиссии 19 декабря 1901 г. Н. П. Лихачев сообщил о своем намерении издать этот документ «ввиду чрезвычайной редкости и исторического интереса подобного дипломатического подлинника» и получил поддержку. Работа по подготовке текста к публикации вышла в большое исследование из области папской дипломатики. Изучению документов папской канцелярии Н. П. Лихачев придавал особое значение ввиду их значимости для изучения мировой дипломатики. В исследовании по поводу письма папы Пия V к Ивану Грозному он отмечал: «Канцелярия пап по устойчивости своих дипломатических традиций является едва ли не консервативнейшей в мире, тем не менее многовековая деятельность не могла, конечно, выражаться в одних и тех же формах. Несравненная важность папской дипломатики, охватывавшей весь мир, не могла не вызывать особого внимания ученых дипломатистов, которые путем тщательных исследований подразделили историю ее на несколько периодов».²⁵

Особое место в деятельности Комиссии в дореволюционный период принадлежит публикации летописных памятников. В период 1900—1917 гг. Комиссия опубликовала 17 томов русских летописей, тогда как за предыдущие 30 лет (1860—1890-е гг.) было издано 13 томов.²⁶ Такой подъем был связан прежде всего с неутомимой практической деятельностью по изданию летописей А. А. Шахматова, который был избран в члены Комиссии в 1900 г. Помимо того, что А. А. Шахматов возглавлял научно-организационную деятельность Комиссии по изданию летописных памятников, определяющее значение имело использование при их публикации результатов его научных исследований. Комиссией не только были использованы новые, обнаруженные и исследованные А. А. Шахматовым летописные списки, но и была воспринята его методика детального изучения той или иной издаваемой летописи с точки зрения ее места в истории русского летописания. Так, в частности, научные исследования А. А. Шахматова легли в основу переиздания Пятъевской летописи А. А. Шахматовым, Повго-

²⁴ Лихачев Н. П. Письмо папы Пия V к царю Ивану Грозному в связи с вопросом о папских бреле (Этюд по дипломатике пап) // Сборник ОРЯС. СПб., 1906. Т. 81. С. 1—175.

²⁵ Там же. С. 10.

²⁶ Подсчитано В. С. Брачевым. См.: Брачев В. С. Петербургская Археологическая комиссия (1834—1929 гг.), СПб., 1997. С. 105.

родской IV — Ф. И. Покровским, Софийской I летописи — П. Г. Васенко, Типографской летописи — С. П. Розановым, и при издании новых летописных текстов: Симеоновской летописи — А. Е. Пресняковым, Ермодинской летописи — Ф. И. Покровским.²⁷

Включившись в работу Комиссии по изданию летописных памятников и Н. П. Лихачев. В 1905 г. ученый обнаружил среди рукописей библиотеки Рогожского старообрядческого кладбища в Москве неизвестный ранее летописец.²⁸ Н. П. Лихачев установил, что эта рукопись является в главной своей части (со времен вел. кн. Ивана Калиты) выборкой, правда, с преобладанием тверских известий, из общерусского летописного свода, и близость текста рукописи (в известиях второй половины XVI в.) с Симеоновской летописью.²⁹ Это обстоятельство, а также то, что летописец содержал ранние тверские известия, определили решение Комиссии о его публикации во втором издании Тверской летописи. 27 ноября 1907 г. Н. П. Лихачев представил пробный набор для издания Рогожского летописца, и в 1913 г. был закончен печатанием его текст. Но издание задерживалось, поскольку не было написано предисловие. К этой работе Н. П. Лихачев не мог присутствовать из-за отсутствия рукописи сборника, содержавшего Рогожский летописец. Сборник был возвращен в библиотеку Московского Рогожского кладбища в 1911 г. Подготовку текста (с 4-го листа) Н. П. Лихачев выполнял по фотокопиям, что, по признанию ученого, замедляло работу, так как «...черка (буквенная) с блестящими фотографиями крайне утомляет зрение и вызывает слезы и боль в глазах».³⁰ В условиях войны 1914 г., а затем и постреволюционных, получить рукопись в Комиссию оказалось сложно. В 1921 г. предпринял такую попытку и Н. П. Лихачев, но, как он сообщил на заседании Комиссии 21 января 1921 г., она не увенчалась успехом, так как библиотека Рогожского кладбища была зачехлена.³¹ На заседании Комиссии 21 февраля 1921 г. было принято решение поручить составление описания рукописи, содержащей Рогожский летописец, сотруднику Комиссии Н. П. Попову (заведующему Московской синодальной библиотекой). «Описание» Н. П. Попова поступило в Комиссию в 1921 г. Видимо, тогда же рукопись сборника оказалась в руках Н. П. Лихачева. В письме от 7 мая 1921 г. из Москвы Н. П. Лихачев писал С. Ф. Платонову, что он «...лишь рассматривал Рогожскую летопись», и продолжал: «При изучении всего сборника, может быть, несколько стелкнулся с надсграфами. По почеркам и бумаге сборник необыкновенно важен и интересен».³² Изучение рукописи сборника действительно привело ученого к важным выводам. Н. П. Попов на основании надсграфических данных датировал Рогожский летописец концом XV в. или «...при допущении архаичности почерка первой четвертью XVI в.». Н. П. Лихачев,

²⁷ Подробно см.: Там же. С. 105—132.

²⁸ ЛЗАК. СПб., 1908. Вып. XIX. Фол. 1, С. 53.

²⁹ ИСРС. Т. XV. Вып. 1. Рогожский летописец. Пр., 1922 (Предисловие). С. V.

³⁰ ЛЗАК за 1912 г. СПб., 1913. Вып. 25. С. 22.

³¹ ЛЗАК за 1919—1922 гг. Пр., 1923. Вып. 32. С. 47.

³² РНБ. Ф. 585. Ед. кр. 3412. Л. 4 об.

проведя не только палеографический анализ, но и изучение рукописей по филиграммам, пришел к выводу, что «палеографически рукописи по некоторым почеркам моложе филигранологических признаков». Идентификация водяных знаков по альбому С. М. Вигиет и самого Н. П. Лихачева позволила ученому датировать рукопись первой половиной XV в.¹³ Следует отметить, что такой метод — сочетание филигранологического и палеографического анализа — было характерной чертой научного творчества Н. П. Лихачева. Серию блестящих образцов такой работы ученый дал в книге «Палеографическое значение бумажных водяных знаков». Например, на основании комплексного изучения филиграрей, миниатюр и почерка он доказал принадлежность всех томов Лицевого летописного свода к XVI, а не XVII в., как считалось учеными ранее.¹⁴ В издании Рогожского летописца Н. П. Лихачев считал необходимым поместить составленное Н. П. Пономовым «Описание» и свое исследование и поставил перед учеными задачу дальнейшего изучения палеографии переносчиков летописи. С этой целью он выдвинул задачу, важную для исследования не только летописей, но и всех древних литературных памятников, — составить «альбом списков для коллективно писанных монастырских сборников XV столетия».¹⁵ Рогожский летописец был издан в 1922 г. и составил первый выпуск XV тома ПСРЛ.¹⁶

Большую работу проводил Н. П. Лихачев по экспертизе ценности документов, поступающих в Комиссию. Заключение ученого, выполненное с присущей ему тщательностью, носит исследовательский характер. Так, рассмотрев сборник документов, поступивший в Комиссию из Тюменского городского архива в 1897 г., Н. П. Лихачев обратил внимание на содержащиеся в нем акты начала XVII в. — Грамоту Новгородского митрополита Исидора к земскому правде князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому с товарищи от мая 1612 года и следующие за этой отпиской еще две подобные грамоты к князю Пожарскому. Он указал, что эти акты опубликованы во 2-м томе «Актов Археографической экспедиции». В результате проведенной работы по сравнению текстов издаваемых и актов Тюменского архива ученый выяснил, что те и другие являются списками, но последние более раннего времени, современные подлинникам. На этом основании он считал необходимым использовать тюменские акты при переиздании «Актов Археографической экспедиции», причем отметил, что переиздание «Актов...» является насущной задачей археографии.¹⁷ К этой проблеме Комиссия обратилась в 1905 г. Как известно, вопрос этот будет по-

¹³ *Trigrammes* С. М. Des filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'à 1600. Genève, 1907. 4 VIs in 4°; Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

¹⁴ *Летопись* Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. С. СЛV—СLXXXI.

¹⁵ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1: Рогожский летописец. С. 11.

¹⁶ Недавие второго выпуска, переведшие А. Е. Пресняковым Тверской летописи, так и не состоялось. См. об этом: *Смирнова Т. Г.* Публикации летописных списков Археографической комиссией: 1917—1929 гг. // ВВГ. СПб., 2000. Т. XXVII. С. 232—234.

¹⁷ ЛЗАК № 1900 г. СПб., 1901. Вып. 12. С. 113—114.

сить дискуссионный характер, и в 1910 г. Комиссия примет решение об издании всех документов и материалов, содержащихся в архиве П. М. Строева, а не стереотипном переиздании «Актов Археографической экспедиции», «Актов исторических» и «Дополнений к Актам историческим».³⁸

В заключении, выполненном Н. П. Лихачевым в 1907 г. о документах рукописного сборника, переданного в Комиссию Николаем II, ученый поставил вопрос о переиздании «Сводного судебника». Поводом к постановке этой проблемы явились обнаруженные в сборнике тексты статей «Сводного судебника». Н. П. Лихачев отметил, что переиздание необходимо предпринять, во-первых, в связи с тем, что издание 1774 г. «Сводного судебника» давно стало библиографической редкостью, во-вторых — и что даже более важно — с целью выяснения вопроса о времени создания и деления на три сводной редакции «Судебника».³⁹

Заключение о документах дворянского рода Люткиных, переданных в Комиссию в 1898 г. профессором Д. А. Корсаковым, представляет собой небольшую статью.⁴⁰ С документами рода Люткиных Н. П. Лихачев был уже знаком. Около половины из приложенных (в копиях) в Комиссию документов XVII в., как отметил Н. П. Лихачев, находилось в его коллекции. Некоторые документы рода Люткиных, обнаруженные ученым в собрании Грамот Коллегии экономии, были им опубликованы в 1895 г., где он отметил их значение для изучения социальной и политической истории России XVI—XVII вв.⁴¹ Сборник документов, переданный Д. А. Корсаковым, содержал 47 документов. Н. П. Лихачев подробно изучил состав сборника, отметив его полноту — документы рода Люткиных были представлены в сборнике за XV—XVIII вв. Особое внимание он обратил на документы XV—XVI вв. «Эти документы тем и важны, — подчеркнул Н. П. Лихачев, — что по ним мы можем точно проследить судьбу новгородского рода Люткиных в Москве, что для многих фамилий невозможно из-за недостатком сохранившихся документов конца XV—начала XVI веков».⁴² Такое исследование и прозеи ученый и считал необходимым издать документы, переданные Д. А. Корсаковым, за исключением опубликованных, которые предложил каталогизировать. Он также имел предложение просить Д. А. Корсакова передать в Комиссию на время подготовки издания подлинные документы XV—XVI вв. Эти ценнейшие документы, как отметил Н. П. Лихачев, скопированные не Д. А. Корсаковым, «грешат многочисленными ошибками». Комиссия приняла решение об издании документов рода Люткиных в XI выпуске «Летописи занятий» и обратилась к Д. А. Корсакову с просьбой

³⁸ Были изданы два тома «Архива П. М. Строева» (1915—1917 гг.).

³⁹ ЛЗАК за 1907 г. СПб., 1908. Вып. 17. С. 47—48.

⁴⁰ Лихачев Н. П. Замечка об изданиях документов дворян Люткиных // ЛЗАК за 1895—1899 гг. СПб., 1901. Вып. 12. С. 166, 187—190.

⁴¹ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. I. Предисловие. С. VIII.

⁴² ЛЗАК за 1895—1899 гг. Вып. 12. С. 188.

о передаче документов XV—XVI вв. Но Д. А. Корсаков не писал и Комиссии эти документы и издание не состоялось. В этом факте важно и то, что Н. П. Лихачев, великодушный знаток палеографии и дипломатики, обратил внимание на искажения в тексте документов, допущенные при копировании, и то, что ученый предъявлял высокие научные требования к изданию документов.

Значительно продвинулась работа Комиссии в дореволюционные годы по описанию документов архива. Сотрудник Комиссии М. Г. Курдюмов в 1906—1915 гг. провел большую работу по разбору и описанию актового материала XV—XVII вв. из архивного собрания Комиссии. Издание «Описей» документов составило семь капитальных томов «Летописи записей».⁴³ В связи с этой работой встал вопрос о выработке правил хранения документов. Такие правила были разработаны на специальном совещании под руководством Н. П. Лихачева с участием В. Г. Дружинина, М. Г. Курдюмова, С. А. Андрианова, о чем и доложил Н. П. Лихачев на заседании Комиссии 3 апреля 1907 г. «Правила» состояли из семи пунктов и были утверждены Комиссией. Четыре пункта устанавливали хранение документов в картонах, соответствующим формату документов; документы следовало хранить в развернутом виде, столбцы — в склеенном виде. Три пункта определяли специальные правила хранения документов с печатями.⁴⁴ Несомненно, что основная роль в выработке «Правил» принадлежала В. Г. Дружинину и Н. П. Лихачеву. Эти ученые, включив в сферу своей научной деятельности коллекционирование памятников письменности, неизбежно должны были решать и вопросы их систематизации и хранения.

После октябрьских событий 1917 г. жизненный и творческий путь Н. П. Лихачева был трудным. Революцию он не принял да и не мог принять в силу своих монархических убеждений. Октябрьские события лишили Н. П. Лихачева всех сбережений и пенсий, которую он получил, выйдя в отставку из Публичной библиотеки в 1914 г. Под угрозой гибели оказались и собрания Н. П. Лихачевым огромные, бесценные коллекции в холодном, неотапливаемом Петрограде. От холода и сырости пострадали таблетки из глины, кожаные переплеты и др., «редкая тонка помещений уже не могла восстановить утраченное и попорченное».⁴⁵ Необходимо было в новых политических условиях решить и судьбу коллекций. Научные планы не могли осуществляться в полной мере из-за свертывания издательского дела, прервались связи с западноевропейскими учеными и антикварами. Сложными для Н. П. Лихачева и всех ученых дореволюционной школы историков были и постреволюционные историографические реалии. В новых политических условиях историческая наука была признана создать новую документальную базу, а публикация исторических источников и исследования по истории древней и средневековой России были объявлены неактуальными. Начался процесс идеологизации науки, шел

⁴³ ЛЗАК. СПб., 1907. Вып. 17; СПб., 1908. Вып. 19; СПб., 1909. Вып. 21; СПб., 1911. Вып. 23; СПб., 1914. Вып. 26; СПб., 1915. Вып. 27; СПб., 1923. Вып. 31.

⁴⁴ ЛЗАК за 1907 г. СПб., 1908. Вып. 20, с. 19.

⁴⁵ Лихачев Н. П. Музей палеографии. Л., 1925. С. 1.

процесс инфляции классического исторического знания. В 1923 г. Н. П. Лихачев писал С. Ф. Платонову по поводу изданной в журнале «Архивное дело» его статьи:⁴⁶ «Моя записка напечатана без авторской корректуры (подчеркнуто Н. П. Лихачевым. — Т. С.), по копии писца! Есть и грубые опечатки. А я-то дополнял, исправлял и изменял!» И далее обращается к С. Ф. Платонову с просьбой напечатать в издании Академии наук «...полный текст отдельной брошюрой по старому правописанию. Ведь теперь главы старых книг печатают новой орфографией! — Ужас!»⁴⁷ — восклицал Н. П. Лихачев.

Научная работа осложнилась и тем обстоятельством, что в 1917—1925 гг. Н. П. Лихачеву пришлось делить жизнь между Петроградом и Москвой, поскольку в мае 1917 г. он переехал в Москву семью. В Москве он оказался оторванным от рабочего кабинета, книг, материалов, коллекций, в Петрограде трудно было жить в отрыве от семьи. Легко на Н. П. Лихачева в эти годы и содержание его большой семьи. В 1924 г. он с горечью констатировал: «Все мои девять человек детей продолжают оставаться безработными. Первы у всех шкауда не годятся — жизнь ведь очень тяжелая».⁴⁸ Пришлось Н. П. Лихачеву заниматься также и хлопотами о сохранении дома матери жены, в котором поселились Лихачевы. «Вся Москва в судорогах — уплотняют и выселяют решительно всех интеллигентов. ... Жажда работы, мечтаю о занятиях и рефератах, а волею судеб, как почтовая донья, гонимся по станциям изо дня в день...», — писал Н. П. Лихачев С. Ф. Платонову в 1921 г.⁴⁹

Невзирая на сложные коллизии того времени, Н. П. Лихачев продолжает научную и преподавательскую деятельность. В Москве в 1918 г. он включился в организацию архивного дела — стал членом Совета Московского областного управления архивного дела и читал лекции архивным работникам на курсах, организованных Главархивом. В Петрограде продолжал преподавать в Археологическом институте (до 1926 г.). В 1919—1929 гг. работал научным сотрудником в Академии истории материальной культуры, сначала — отдела древнейшей русской, а с конца 1919 г. — отдела археологии и искусства раннехристианского и византийского времени, являясь также руководителем созданной по его инициативе Комиссии по изучению миниатюры.⁵⁰

Основным объектом и итогом научно-исследовательской деятельности Н. П. Лихачева в послереволюционные годы стала подготовка к изданию работ по сфрагистике. Особенно интенсивно разбором и опи-

⁴⁶ Лихачев Н. П. К вопросу о составлении перечня лучших русских истов // Архивное дело, М., 1923. № 1. С. 26—43.

⁴⁷ Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову. Москва, 2/15 янв. 1923 г.; ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3412. Л. 10 об.

⁴⁸ Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову. Москва, 1/14 янв. 1924 г.; ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3412. Л. 16.

⁴⁹ Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову. Москва, 17 мая 1921 г.; ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3412. Л. 4—5.

⁵⁰ Степанов Е. В. Деятельность Н. П. Лихачева в Академии истории материальной культуры // Из истории Византики и византийствоведения, Л., 1991.

самим собранным сфрагистических памятникон он стал заниматься в годы Первой мировой войны, и к концу 20-х годов подготовил к публикации два выпуска «Материалов по истории русской и византийской сфрагистики».³¹ Печатание второго выпуска было приостановлено в 1930 г., и большая часть тиража уничтожена в связи с событиями «Академического дела» и арестом ученого 28 января 1930 г. Сохранилось лишь несколько экземпляров этого выпуска — фундаментальной работы Н. П. Лихачева в области русской и византийской сфрагистики. Не утратил научной значимости, но остается незавершенным, и третий выпуск «Материалов...», подготовленный ученым к печати в последние годы жизни, после возвращения из ссылки. Не менее трудно сложившаяся судьба издания «Сфрагистического альбома»,³² увидевшего свет спустя несколько десятилетий, к сожалению, не в полном виде.³³

Не оставляет Н. П. Лихачев и работу в Археографической комиссии. Археографическая комиссия в постреволюционные годы продолжила свою деятельность в традиционных для нее направлениях. В новых условиях Археографическая комиссия была по существу единственным научным историко-археографическим учреждением, в котором ученые могли продолжать изучение и публикацию источников по истории древней и средневековой России. Поэтому не случайно, что Н. П. Лихачев, пытаясь найти достойное место своим коллекциям, стремился передать их Археографической комиссии. В апреле 1918 г. собрание печатных изданий и Музей индивидуальности удалось передать в ведение Петроградского Археологического института, который в 1923 г. был преобразован в археологическое отделение Петроградского университета. Музей был сохранен, но необходимо было продолжить работу по систематизации и описанию его коллекций. С этой целью в конце 1921 г. Н. П. Лихачев обратился в Археографическую комиссию с предложением об описании и издании рукописного собрания его коллекции документов по истории России.³⁴ Археографическая комиссия, заслушав представленную Н. П. Лихачевым «Занеску» о составе предлагаемых к изданию собранных документов,³⁵ несмотря на ограниченные издательские возможности Комиссии, приняла предложение Н. П. Лихачева. Председатель Комиссии С. Ф. Платонов об-

³¹ Лихачев Н. П. Материалы по истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1928—1930. Вып. 1—2.

³² Шандровская В. С., Янин В. Л. Н. П. Лихачев и его труд «Монетовулы греческого Востока» // Н. П. Лихачев. Монетовулы греческого Востока / Вид. подг. В. С. Шандровская (Научное наследие). Т. 19. М., 1991. С. 8—10, 14.

³³ Издана только вторая часть «Сфрагистического альбома»: Лихачев Н. П. Монетовулы греческого Востока. Первая часть, остается неизданной. Материалы рукописи использовал В. Л. Янин: Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. I—II. Не опубликовано и монографическое исследование о византийских печатях. См.: Шандровская В. С., Степанова Е. В. Незданный рукописи Н. П. Лихачева «О византийских печатях» // ВМД. СПб., 1998. Т. XXVI. С. 40—47.

³⁴ ЛЗКАК за 1919—1922 гг. Пг., 1923 (Протокол заседания Комиссии от 20 декабря 1921 г.), С. 61.

³⁵ Лихачев Н. П. Занеска о составе его архива // ЛЗКАК за 1919—1922 гг. Пг., 1923. Вып. 32. С. 64—67.

ратив внимание на то, «какие усилия Н. П. Лихачеву пришлось проявить, чтобы сосредоточить в своем архиве целый ряд важнейших документов, предложил выразить ему от лица Комиссии благодарность за предоставление собранных им материалов в изданиях Комиссии».⁵⁶ Комиссия постановила издать собрание актов Н. П. Лихачева в серии «Русская историческая библиотека» под заглавием «Архив Н. П. Лихачева». Подготовка издания, по предложению Н. П. Лихачева, была поручена А. И. Андрееву. Н. П. Лихачев и А. И. Андреев, как свидетельствуют отчеты Комиссии за 1921—1923 гг., начали эту работу, но выполнить ее не удалось, поскольку объем собранных Н. П. Лихачевым документов был настолько большим, что усилий А. И. Андреева и Н. П. Лихачева было явно недостаточно. В настоящее время эта коллекция документов хранится в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН. Она составляет две специальные коллекции и 86 фондов (в том числе 22 фонда местных учреждений, 10 фондов монастырей и церквей, 20 личных фондов).⁵⁷

Следующую попытку передать Археографической комиссии свои коллекции, причем в полном составе, Н. П. Лихачев предпринял в 1925 г., обратившись в марте этого года через посредничество С. Ф. Платонова с таким ходатайством в Академию наук. 14 апреля 1925 г. на заседании Археографической комиссии было оглашено отношение Непременного секретаря Российской Академии наук от 9 марта 1925 г. с извещением Археографической комиссии о том, что «по представлению председателя Комиссии [С. Ф. Платонова] Общее собрание Академии выразило согласие на возбуждение ходатайства о передаче состоявшего при здании Университета Палеографического кабинета»⁵⁸ Н. П. Лихачева в Академию с присоединением его к Археографической комиссии». С. Ф. Платонов также сообщил, что в Москве ему обещано согласие на эту передачу Главнаукой, о чем последняя сообщила университету и Академии.⁵⁹ Окончательно вопрос решился в процессе избрания Н. П. Лихачева академиком. 13 мая 1925 г. Общему собранию РАН было доложено о состоявшемся в ОРИС избрании Н. П. Лихачева в действительные члены, определено провести баллотирование кандидатуры Н. П. Лихачева в августе, в ближайшем заседании Общего собрания. И кроме того, академики были уведомлены, что Палеографический кабинет Н. П. Лихачева после согласования Академией наук с Главнаукой передается из Ленинградского университета Академии наук.⁶⁰ 1 августа 1925 г. в заседании Общего собрания Н. П. Лихачев был единогласно избран в действительные члены Академии наук по кафедре русской истории и на заседании Общего собра-

⁵⁶ ЛЗАК за 1919—1922 гг. С. 63.

⁵⁷ См. Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории СССР. М.; Л., 1958. С. 13—14.

⁵⁸ Издание «Палеографический кабинет» получил музей Н. П. Лихачева в 1918 г., когда он вошел в состав Археологического института.

⁵⁹ ЛЗАК за 1923—1925 гг. Л., 1926. Вып. 33. С. 50.

⁶⁰ Протокол Общего собрания Российской Академии наук № V, заседание 13 мая 1925 г. § 81 // СГБФА РАН. Ф. 1. Оп. 1-а. 1925. № 174. Л. 22.

ния 14 ноября 1925 г. избран директором своего дома-музея, получившего официальное название Музей палеографии.⁶¹

Примечателен тот факт, что председателем Археографической комиссии С. Ф. Платонов сыграл большую роль не только в передаче дома-музея Н. П. Лихачева Академии наук, но и в избрании Н. П. Лихачева действительным членом Академии наук. В письме С. Ф. Платонову в 1924 г. Н. П. Лихачев писал: «Президиум Академии меня положительно пугает, но все равно не в первый раз срамитесь.⁶² Очень тронут тем, что Вы вмешиваетесь в это дело и навязываете себе, несмотря на Вашу обремененность, новую работу. От всей души благодарю Вас!».⁶³

После избрания Н. П. Лихачева академиком по ходатайству С. Ф. Платонова в Президиум Академии наук Н. П. Лихачев стал исполняющим обязанности по время отсутствия С. Ф. Платонова во всех гуманитарных учреждениях, возглавляемых С. Ф. Платоновым, в том числе и Археографической комиссии. Исполнял обязанности председателя Комиссии Н. П. Лихачев, в частности, в 1929 г., когда стали разворачиваться события «Академического дела». С. Ф. Платонов в августе — августе 1929 г. был в отпуске в Крыму и вернулся в Ленинград 1 сентября. А. И. Андриев в августовском письме к С. Ф. Платонову, подробно излагая начавшуюся «чистку» аппарата Управления Академии наук, писал С. Ф. Платонову, что Н. П. Лихачев в связи с этим «весьма волнуется...».⁶⁴ 8 ноября С. Ф. Платонова вынудили подать в отставку со всех занимаемых им должностей, и Н. П. Лихачев снова исполняет обязанности председателя Комиссии. Но, как свидетельствует отчет Комиссии за 1928—1929 гг., сохранившийся в архиве Комиссии, Н. П. Лихачев отказался от исполнения обязанностей председателя, и «в его отказом с 23 ноября был назначен председателем академик Сакулин».⁶⁵ В сложившихся условиях принятое Н. П. Лихачевым решение требовало определенного мужества и свидетельствовало о высокой нравственности ученого. Н. П. Лихачева и С. Ф. Платонова связывали три десятилетия работы в Археографической комиссии, их отношения носили дружеский, доверительный характер. Именно в лице С. Ф. Платонова нашел Н. П. Лихачев поддержку в трудные после-революционные годы. В 1923 г. в своем письме к С. Ф. Платонову Н. П. Лихачев сообщал о своей болезни, переживаемом им душенном кризисе и прямо призывал С. Ф. Платонову, что именно в нем он видел того человека, на которого можно опереться. «...Хочется укрыться, спрятаться, опереться на кого-нибудь, и все мои мысли возвращаются к Вам. Я в последние два дня много передумал о Вашей

⁶¹ Протокол Общего собрания Российской Академии наук № VII, заседание 1 августа 1925 г. § 107 // Там же. № 174. Л. 33; Протокол Общего собрания Российской Академии наук № IX, заседание 14 ноября 1925 г. § 160 // Там же. № 174. Л. 39.

⁶² Н. П. Лихачев имеет в виду факт истечения срока избрания его в действительные члены Академии наук в 1920 г. по представлению А. И. Соболевского.

⁶³ Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову. Москва, 1/14 янв. 1924 г. ОР РНБ. Ф. 585. Д. 3412. Л. 15 об.

⁶⁴ А. И. Андриев — С. Ф. Платонову. П. Петербург, 6 авг. 1929 г.: ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2096. Л. 34 об.

⁶⁵ СПБФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1199. Л. 57.

деятельности за эти пять лет и мое сердце переносит благодарность к Вам», — писал Н. П. Лихачев.⁶⁶ Не без усилий С. Ф. Платонова, как мы уже отметили выше, были осуществлены передача коллекций Н. П. Лихачева в Академию наук и его избрание академиком. Н. П. Лихачев, исповедуя сам необходимость максимального и бескорыстного служения интересам науки, не мог не ценить такой же самоотдачи С. Ф. Платонова — ученого и организатора науки. С. Ф. Платонов в послереволюционные годы возглавил крупнейшие гуманитарные учреждения Петрограда-Ленинграда. В самые трудные годы — 1918—1923 — под его руководством была проведена грандиозная работа по организации архивного дела в Петрограде, в 1925 г. С. Ф. Платонов стал директором Пушкинского Дома и Библиотеки Академии наук. В конце 1918 г. С. Ф. Платонов был избран председателем Археологической комиссии, которая, по его ходатайству, с 1 января 1922 г. вошла в систему учреждений Академии наук, что позволило сохранить Комиссии традиционные направления деятельности и научный коллектив. «Начиная с заседаний Археологической комиссии и до ежедневной работы в Комиссии, — подчеркивал С. Ф. Платонов в своих показаниях в ОГПУ от 11 и 18 августа 1930 г., — я старался удерживать в Комиссии господство старых ученых традиций и сохранить традиционные приемы работы»,⁶⁷ «всячески „обороняя“ ее от подчинения марксистским шлямбуркам»,⁶⁸ Академические учреждения, возглавляемые С. Ф. Платоновым, и прежде всего Археологическая комиссия, в период следственного процесса по сфабрикованному «Академическому делу» подверглись, по существу, полному устранению из них представителей дореволюционной гуманитарной интеллигенции. Так, из Археологической комиссии в ноябре—декабре 1929 г. были уволены все ее сотрудники, составлявшие основной состав Комиссии, в том числе и Н. П. Лихачев (3 декабря 1929 г.).⁶⁹ Каждый второй из них был арестован.

Н. П. Лихачев был арестован 28 января 1930 г., затем осужден и выслан в Астрахань. Еще до вынесения приговора чрезвычайное Общее собрание АН СССР 2 февраля 1931 г. постановило исключить академиков С. Ф. Платонова, Н. П. Лихачева, Е. В. Тарле и М. К. Любавского из числа действительных членов Академии.

Из ссылки Н. П. Лихачев вернулся в 1933 г., но не получил ни постоянной работы, ни доступа к своим коллекциям, и, несмотря на эти

⁶⁶ Н. П. Лихачев — С. Ф. Платонову. 152 янв. 1923 г., ОР РНБ, Ф. 585, л. 3412, л. 11.

⁶⁷ Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 97.

⁶⁸ Там же. С. 111.

⁶⁹ 12 ноября 1929 г. был уволен из Комиссии В. Г. Дружинин, 3 декабря, кроме Н. П. Лихачева, были уволены С. В. Бахрушин, А. В. Бородин, И. А. Быхов, С. К. Богоявленский, П. Г. Васенко, П. Н. Шеффер, Е. Ф. Карский, М. К. Любавский, Ю. В. Готье, А. И. Яковлев, С. Б. Веселовский, М. Н. Сперанский, Ф. Н. Покровский, М. Д. Прислков, С. А. Жебелев, Е. В. Тарле, С. П. Рызанов, А. М. Андрияшев, В. Г. Гейман, Д. П. Егоров, И. М. Яковкин, П. Г. Любомиров, С. П. Чернов (СНБФРАН, Ф. 133, Оп. 1, Д. 1195, л. 97). Еще раньше, 24 октября 1929 г., был арестован ученый секретарь Комиссии А. И. Андреев, 1 декабря — С. В. Рождественский.

обстоятельства и серьезно подорванное здоровье в годы ссылки, он до конца своей жизни остался преданным интересам науки, подготовил к печати и пытался опубликовать «Сфрагистический альбом». 14 апреля 1936 г. Н. П. Лихачев скончался. За два месяца до его смерти, 15 февраля 1936 г., в соответствии с постановлением Президиума АН СССР на базе Института книги, документа и письма, в который был преобразован Музей палеографии Н. П. Лихачева в 1931 г.,⁷⁰ Историко-археографического института АН СССР, в который в 1931 г. была преобразована Археографическая комиссия, и Института истории ЛО Коммунистической Академии было создано Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, ставшее центром исторической науки в Ленинграде. Так волею судьбы Музей палеографии Н. П. Лихачева и Археографическая комиссия все-таки соединились, а Институт истории (в настоящее время — Санкт-Петербургский институт истории РАН) стал хранителем уникальной коллекции славянских рукописей и книг Н. П. Лихачева, которая вместе с архивным собранием Археографической комиссии составила Русскую секцию архива Института. Основу же Западноевропейской секции архива составила часть коллекции Н. П. Лихачева, которая «...благодаря самому характеру ее комплектования превратилась в одно из немногих собраний, в которых хранятся материалы почти всех стран Европы и некоторых стран Америки и Азии».⁷¹

SUMMARY

The article describes life and work of the outstanding scientist, the Academician of the Russian Academy of Sciences N. P. Likhachev (1862—1936), who was a collector, historian, and archaeographer.

The article deals mainly with Likhachev's work in the Petersburg Archaeographical Commission (1894—1929).

The research is based on the published materials, Likhachev's works, the archive documents of the Commission, and Likhachev's letters to its President S. F. Platonov in 1920—1921.

⁷⁰ Годом ранее, после ареста Н. П. Лихачева, 5 мая 1930 г., Музей палеографии по постановлению Президиума АН СССР был преобразован в Музей книги, документа и письма, а в 1931 г. — преобразован в Институт книги, документа и письма (Вестник АН СССР, М., 1931, № 3, стр. 43).

⁷¹ *Колупина Р. П., Рутенбург В. П.* В архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР // ВП. 1962. № 2. С. 163.